

Karta
КАРТА

Российский независимый
исторический и правоза-
щитный журнал

Адрес:

390000, Россия, г.Рязань,
пл.Костюшко, 3.

Для писем:

390000, Россия,
Рязань-центр, а/я 20.

Телефон: (0912) 77-51-17.

E-mail:

julia@memorial. ryazan. su

Учредитель: Редакция неза-
висимой газеты "Рязанский
вестник". Журнал зарегист-
рирован Министерством пе-
чати и информации
29.12.1992.

Свидетельство о регистрации
N 01949.

Главный редактор **Андрей
Блинушов** Редакция: **Юлия
Середа Сергей Романов
Олег Шубин Петр Митцнер
Виктор Лозинский**

Мнения авторов не обяза-
тельно совпадают с точкой
зрения редакции. Сохран-
ность рукописей, фотомате-
риалов и документов гаран-
тируется.

Над номером работали: А.
Блинушов, В.Дылевский,
В.Романов, С.Романов,
Ю.Середа, Т.Поспелова.

Отпечатано ТОО "СЕРВИС"
390000, Рязань, ул.Кольцова,
16.

Заказ N7.

Подписано в печать 30.05.1994.
Печать офсетная.

Тираж 2000 экз.

Российская «КАРТА» основана в ноябре 1992 года по инициативе польского независимого исторического журнала «KARTA», выходящего с января 1982 года, и рязанского общества «МЕМОРИАЛ», учрежденного в октябре 1989 года.

В НОМЕРЕ:

П.МИТЦНЕР	Последняя концентрация <i>Трагедия польских антифашистов</i>	3
А.БЛИНУШОВ	«Здравствуй, отец...» <i>Партизанский командир в советском концлагере</i>	10
	«Мы вернемся в Варшаву...» <i>Список поляков, погибших в лагере НКВД N178-454</i>	11
И.ЕВСТИФЕЕВ, В.ПАНКРАТОВ	Солдаты второй войны <i>Фоторепортаж о создании мемориала памяти</i>	12
А.ПАШКОВ, Г.ДУДАРЕЦ	Депортации на Сахалине <i>Репрессивная политика СССР на Дальнем Востоке</i>	14
С.ПАНФИЛОВ	«Я – боюсь...» <i>Судьба эмигранта</i>	18
	«Уровень общества = уровень права» Интервью с А.ГОРЕЛИКОМ <i>Правозащитные организации России</i>	27
А.ДАНИЭЛЬ	Самиздат: поиски определения <i>Из истории инакомыслия</i>	33
А.СОКОЛОВ	Судьба самурая <i>Японцы в ГУЛАГе</i>	40
	«Мы никогда не мстили мертвецам»? <i>Лагерные кладбища Нижнего Тагила</i>	43
Архив. Документы обличают <i>Коммунистический террор в действии</i>		45
	«И вот пришли...», «Блошиный» срок <i>Почта «Карты»</i>	46
	Права человека – свобода слова – гражданское общество <i>Проект Российского Центра «Карта»</i>	47

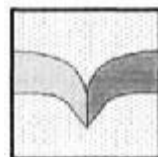
Журнал «Карта» издается при содействии:

Журнал «Карта» издается при содействии:

Международного историко-
просветительского и право-
защитного общества «Мемо-
риал»

Фирмы оргтехни-
ки
Антониуса Гут-
термана
(Мюнстер)

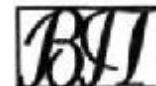
Полиграфической фирмы
Петера Ломманна (Мюн-
стер)

Полиграфической
фирмы ТОО
«Сервис» (Рязань)

Института Демократии в
Восточной Европе (IDEE)

Бизнесмена
Владимира Пан-
кратова
(Рязань)

«Разрезать знамя на куски. Раздать солдатам. Пусть возьмут в дорогу. Пусть лежит на сердце.»

*Казимеж Вержиньски
«К росту Армии Крайовой.»*

Местом последнего сосредоточения Армии Крайовой стали советские лагеря. С января по август 1944 года очередные округа АК приступали к операции «Буря». Солдаты польского подполья теперь уже более открыто боролись с немцами. Зачастую рядом с советскими солдатами. Но на следующий же день после прихода советских войск их разоружали и арестовывали.

22 августа 1944 года из Виленского округа было отправлено донесение в Главное Командование АК: «Уже месяц не имеем директив ГК относительно отношения к советским, которые проводят враждебную и истребительную политику. Подразделения АК разоружаются и вывозятся в Калугу. (...) Необходимо срочное дипломатическое вмешательство и принципиальные директивы.»

Запад молчал, подпольные власти были бессильны. Около 17 тысяч АКовцев попали в лагерь. Они были в отчаянии. Их принудили к бездействию, хотя война еще продолжалась.

В лагерях бойцы встречали своих командиров, которых до сих пор знали только по псевдонимам. В Дягиливе под Рязанью находились генералы: Казимеж Тумидайский («Марчин»), Владислав Филипковский («Янка»), Людвиг Битгнер («Галька») и Александр Кшижановский («Волк»). Конспиративные войсковые структуры воспроизводились в условиях ГУЛАГа. Таким образом произошла последняя концентрация АК. В концлагерях НКВД. Многие были сломлены, но большинство сопротивлялось лагерной угнетенности, слезке, апатии.

Пройдя через Майданек, Осташков и другие лагеря польские антифашисты оказались в центре исконной России. Спецлагерь в селе Дягиливе под Рязанью был самым многочисленным. Ввиду близости города, его называли рязанским лагерем. Арестованные после операции «Буря» находились там с августа 1944 по июль 1947 года.

Рязань не была типичным местом ссылки. Однако поляки содержались здесь и раньше. Первым был Шимон Токажевский – многократный каторжник, который в 1862 году отбывал срок в рязанской тюрьме по одному из приговоров за предпринятую деятельность. В 1915-1918 г.г. в Рязани был лагерь для военнопленных поляков (и других славян) из австро-венгерской армии и Легионов. Почти 3 года (вплоть до побега) здесь находился Казимеж Вержиньски. *известный польский поэт – РЕД.)*

В 1943 году в деревне Сельцы на Оке, в 35 километрах от Рязани, создавалась Первая пехотная дивизия имени Тадеуша Костюшко. А в самом городе, до января 1945, года находилось офицерское училище для «народной» армии. Оно занимало здание, в котором находились в заключении поляки во время первой мировой войны. Почему советские власти выбрали этот же город для заключенных солдат АК? Может быть это вытекало из каких-нибудь военно-политических планов, а может – обычное лицемерие.

В Дягиливе было, строго говоря, два лагеря (точнее – лагпункта), в которых содержались поляки. С 27 августа 1944 года до середины апреля 1945 г. они находились в «младшем» лагере, расположенном в нескольких километрах от Рязани. К моменту прибытия туда первой партии АКовцев он играл роль фильтрационного лагеря для добровольцев дивизии имени Костюшко. С этого момента в нем содержалось 450-500 человек. После голодовки в марте 1945 г. заключенных перевели в «старший» лагерь, отстоящий от Рязани на 5-6 км. В нем находилось от 1500 до 2000, а по некоторым сведениям, и до 3000 человек.

До сих пор точно неизвестно, сколько лагерей было в Рязанской области. Еще недоступны все советские документы, не хватает свидетелей. Мало, к примеру, известно о лагере, располагавшемся на берегу Оки рядом с местом формирования Первой дивизии имени Костюшко. Там еще зимой 1944-45 г.г. находились исхудавшие, принуждаемые к каторжному труду гражданские лица, вывезенные из Виленщины в 1940 году.

В дягилевских лагерях содержались, в основном, солдаты АК, в том числе женщины. Было также немного гражданских, солдат Польской народной армии из центральной Польши и офицеров-«костюшковцев». Из Люблина привезли небольшую группу поляков-коллаборационистов периода немецкой оккупации. Сюда же попали на «госпроверку» русские – реэмигранты с Запада.

Поляки в Дягиливе сидели без приговоров. Формально их считали интернированными. (Бывшие заключенные утверждают, что такое определение по отношению к ним стало применяться лишь после окончания войны – в мае 1945 г.) По лагерю можно было свободно перемещаться, офицеры не принуждались к труду. Позволялось организовывать концерты, шахматные турниры. Существовал лагерьный театр «Наша будка» (естественно с цензурой). Среди заключенных было несколько ксендзов, которым разрешалось проведение богослужений. А вот переписка была строго запрещена. К самым запрещенным предметам причислялась бумага – при обысках отбирали самые мелкие клочки. Большинство семей почти три года не имели вестей от своих близких.

От мира тщательно скрывалось существование «спецлагеря» в Дягиливе. Многие из заключенных попадали в Рязанскую городскую тюрьму и там пропадали без вести. Заболевших отправляли в «спецгоспиталь» N4791 в городе Скопине Рязанской области. Случалось, что ослабленные голодом заключенные умирали. Их хоронили на лагерьном кладбище (возле железнодорожной платформы Недостоево).

Запуганные приговором, ссылкой, допросами, смертями несколько десятков заключенных начали демонстрировать свои левые взгляды. Хотели убедить коменданта и НКВД в своем «исправлении». Создали «клуб демократов», имели собственный театр «Искра» и газетку «Рабочий». Советские власти оценили их труды и... не включали в списки освобожденных. Кроме того, как везде, были среди польских заключенных и предатели и доносчики.

Трудно сказать, что решило вопрос о закрытии лагеря в Дягиливе. Может быть причиной послужила голодовка в конце июня 1947 года. Известно, что еще в марте Юзеф Циранкевич и А.Вышинский – Генеральный прокурор СССР – обменялись письмами по вопросу освобождения «поляков, интернированных при очистке тылов во время войны».

Однако дорога в Польшу вела через другие советские лагеря, в которых по несколько месяцев держали АКовцев. После июньской голодовки (см. «Карту» N1) их развезли в Боровичи, Череповец, Устишоры, Мочилица. По пути на родину был еще временный лагерь в Бресте, и даже оттуда некоторых отправляли вглубь России.

После разговоров с авторами воспоминаний о Рязани и Дягиливе и их товарищами, у меня сложилось впечатление, что ни в лагере, ни позже они не считали себя побежденными. Но объективно говоря, они были преданы союзниками и разбиты.

Период заключения в России был их последней личной битвой. В ее описании нет особой последовательности. В основном это отдельные фрагменты и образы, слабо связанные с хронологией событий. Но пусть расскажут хотя бы они.

ХЕНРИК ПЛАСКИ:

На следующий день после заселения в лагерь под Рязанью вся наша братия высыпала из барачков. Территория была ограждена высоким забором из досок без ворот и щелей. В какой-то момент издадека, но довольно отчетливо, донеслось по-польски: «О, мой розмарин, распукайся...» Мы застыли. Потом молодой голос скомандовал: «Цепью!» — и за забором воцарилась тишина.

Однажды в конце сентября 1944 г. капитан Лонгин Войцеховский («Ронин») принес номер «Известий». Была в нем обширная статья о восстании в Варшаве и короткое сообщение о вступлении Красной Армии в предместье Варшавы — Прагу. Дальше — информация о существовании в СССР Союза польских патриотов во главе с Вандой Василевской и об организации, из находящихся в России поляков, войсковых подразделений, а также об офицерском училище «костюшковцев» в Рязани. Это их мы слышали поощими за забором.

В начале октября 1944 г. к нам пришел офицер НКВД и радостно сообщил, что немцы превратили Варшаву в руины. Прибавил, что нам повезло, что они нас здесь держат, потому что там мы наверняка бы погибли. Начался страшный шум и свист. Стали бросать в офицера чем попало — ботинками, шапками, инструментом. Он быстро убрался восвояси. Наступила тишина. Ждали санкций за наше поведение, однако обошлось без последствий.

ВАЦЛАВ КРАЕВСКИЙ:

День всегда начинался в шесть часов. В семь — проверка. Разделенные на взводы, роты и батальоны, мы строились на площади пятерками. Затем командиры взводов докладывали командирам рот, те — командирам батальонов, эти — старшему по лагерю, а он сообщал численные сведения офицеру НКВД. Полковник-поляк, по стойке смирно, докладывал старшему лейтенанту. «Развлекались» так дважды в день. Это была пародия на армию, пародия на дисциплину изголовавшихся, завшивевших, тощих оборванцев, хотевших быть нормальными солдатами.

ВИКТОР БАВАНКЕВИЧ:

В лагере было несколько десятков русских, вернувшихся с Запада. В Дягилове они

размещались в отдельном, окруженном проволокой бараке. Вступили с ними в контакт через общую выгребную яму. Один из них, Корчинский, юрист по образованию, был министром в правительстве Колчака.

Нас интересовало, как они здесь оказались, почему вернулись. Отвечали, обычно, одинаково — из-за тоски по родине. После войны на Западе появились красивые плакаты с призывами: Россия ждет; ее нужно восстанавливать; Сталин всех прощает. Корчинский долго колебался. Не устоял, однако, перед плакатной девушкой с красивыми косами. Блондинка стояла на ржаной ниве, протягивала руки и звала: «Папочка, вернись, я так жду тебя!» Очень напоминала ему дочь, оставшуюся в России.

Таких, как Корчинский, было очень много. Сначала они ехали в обычных вагонах, с вещами. Когда оказались на территории, оккупированной СССР, их перевели в специальные вагончики и этапировали в лагерь.

Через какое-то время из Дягилово увезли первую партию русских. После них прибыла следующая. Однажды в лагере появилась специальная комиссия НКВД. Всех заключенных русских собрали на площади и объявили, что «родина их простит», если вступят в «штрафроты». Заключенных, которые не приняли это предложение, погрузили на грузовики и вывезли в неизвестном направлении.

ХЕНРИК ПЛАСКИ:

В мечтах уносились самые чувствительные и активные. В первые месяцы нашего пребывания в лагере кто-то подслушал разговор между зав. кухней и советским дежурным офицером. — Поляки скоро уезжают на родину, нужно готовить лагерь. — Еще приказа нет. — Приказ уже есть, только в комендатуре... И вот вокруг этих слов строится целая легенда. То, что в ней масса несообразностей, не мешает тому, чтобы в нее уверовали. Естественно, такая сказка существовала лишь до момента появления очередной, основанной, как и предыдущие, на подслушанных новостях. — Господа, такая новость! — кричит Иуда — порция сахара с того, кто хочет узнать. — Говори, говори — крики отовсюду. — Отрезать ему бороду, если врет! — Тише... Говори... Слушаем... — Час назад к нашим генералам пришел майор

Козлонцев и сказал, что «наш отъезд на родину произойдет скоро и неожиданно.»

Из-за ностальгии происходили иногда нелепые случаи. Стась Пененджик сочинял стихи, наполненные глубоким мистицизмом, воспевающие различные эпизоды из жизни Иисуса и Марии. Иногда это была поразительная смесь крайнего ханжества и порнографии. В конце концов ксендз запретил ему сочинение этих произведений. Где-то в начале декабря 1944 г., когда мы уже готовились к Рождеству и Новому году, «наш Поэт» и «наш Пророк» Стась Пененджик решил устроить сеанс спиритизма.

Было уже темно. На нарах Стась поставил столик с четырьмя зажженными свечками. У столика сели по-турецки четверо посвященных и сам маэстро. Вокруг — толпа своих и даже гости из других барачков. Не видно только ксендза Орлицкого — он скептик по натуре и профессии.

Наступила полная тишина. Слышно лишь приглушенное дыхание и, как скрежет в этой тишине, кашель кого-то простуженного. Несколько десятков суровых, трезвых людей попали под влияние одного, не вполне нормального. — Дух Мицкевича... дух Мицкевича... дух Мицкевича, явись среди нас... — Поэт Адам... вызываем тебя... дай знать о своем присутствии... Тишина. Среди зрителей начинается ропот, но надежда еще не потеряна. — Стась, оставь в покое Мицкевича. Попробуй другого духа, например, Пилсудского. — Дух маршала... дух маршала, дух Пилсудского, дух Вождя, дай знак! Легкий стук ножки столика, потом опять, и еще раз... это наверняка знак присутствия духа. Лежащие на краю столика, сжатые в кулаки руки, начинают дрожать. Медиум располагает два пальца на перевернутом блюде, которое тоже начинает дрожать. — Дух маршала, дай знать, что ты здесь... Блюдечко поворачивается на девяносто градусов. — Скажи нам, вернемся ли мы из неволи живыми? Блюдечко поворачивается нарисованной стрелкой в направлении написанного посреди столика слова «да». — Ответь нам, дух, это будет в этом году? Блюдце также решительно отвечает — «нет». — Скажи нам, будем ли в будущем году дома? Опять — «нет». Появляются личные вопросы. — Скажи, маршал, жива ли моя семья?

1. Фамилия <i>Свистальский</i>	Инициалы и № лагеря
2. Имя <i>Адам</i>	<i>N/178</i>
3. Отчество <i>Козего</i>	Дата <i>28</i> участка (барак)
4. Год рождения <i>1894</i> г. Место рождения	« » 194 г. <i>28</i>
5. Адрес (по аресту)	« » 194 г. <i>28</i>
6. <i>Полковник у Свистальского №13</i>	« » 194 г. <i>28</i>
7. Профессия (специальность) <i>Военнослужащий</i>	« » 194 г. <i>28</i>
8. Образование <i>Остаток сурьезное. Неоконч.</i>	Инициалы <i>№2346</i>
9. Политическая <i>б/п</i>	Дата вступления в лагерь
10. Национальность <i>Польский</i>	Дата вступления в лагерь
11. Присвоено <i>Польское</i>	« » м-ца 194 г.
12. Последняя должность в армии и друг. орган.	
13. <i>Ком. взв. 3 пол. полковник Фибиз. б.</i>	
14. Последний чин или звание <i>генерал-майор</i>	

Карточка учета НКВД на генерала бригады АК Адама СВИТАЛЬСКОГО
ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

Лагерь Рязань-Дягилево. 1947 год
ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

Лагерьная «идиллия»: чекисты с ударниками-«демократами»
ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

— спрашивает один из четырех, сидящих у столика. — «Да» — и сразу затем — «нер». Что это значит? — Жива ли моя мать? В ответ трагическое слово: «нет». Вопрошавший вскакивает с места, кричит — чепуха! — и расстроенный, слезает с нар. Настроение угасает. Начинают расходиться. Но у столика остаются несколько человек, упорно продолжающих переговоры с духом...

Гуляли в лагере медленным шагом — в одиночку, парами, иногда группой. Было два устоявшихся маршрута — один вокруг площадки, другой — вдоль колючей проволоки ограждения.

Площадь была местом научных, политических и культурных, немного романтических, разговоров и дискуссий. Оттуда доносились тихий, но не прекращающийся гул речей. Обсуждались концепции перестройки мира, организация жизни в независимой Польше и т.п. Второй маршрут обычно выбирали активисты, люди нетерпеливые, иногда горящие жаждой мести. Гуляющие часто впадали в глубокую задумчивость. Их взоры блуждали за сеткой колючей проволоки, по бескрайним полям, покрытым яркой зеленью с редкими цветами. Это открытое пространство было источником различных, более или менее, утопических мыслей и проектов. В мечтах мы переживали необычайные приключения, направленные исключительно на возможность побега. Здесь вымысел имел обширнейшее поле деятельности.

Во время таких прогулок одному офицеру и пришла в голову гениальная, как ему показалось, мысль. Фармацевт по образованию и травник-любитель, он решил убедить лагерную «врачиху» в необходимости сбора лекарственных растений именно сейчас, весной. И нарисовал перед ней такую заманчивую перспективу, что она взялась добиться разрешения на выход из лагеря для «специалистов по травам».

Наш фармацевт подобрал себе четырех помощников и обучил их. Все ждали с нетерпением, будучи уверенными, что травники попытаются бежать. Лично я смотрел на все это с большим сомнением.

Для сбора трав выбрали воскресенье, ибо в этот день охрана караулит не так внимательно. Я до сих пор не могу понять как случилось, что пятеро интернированных, с

мешками за спиной, вышли из лагеря совершенно одни! Мы долго смотрели из-за проволоки, как они удалялись, и, наконец, исчезли из поля зрения...

Сразу после обеда, около 2-х часов, стало заметно какое-то подозрительное движение у комендатуры. Оказалось, что вернулись только три человека, с набитыми травой мешками, а двое, якобы, где-то заблудились. Немедленно в погоню за бежавшими были отправлены три группы с собаками. На следующий день, около полуночи, была объявлена тревога и поголовная проверка полейков. До утра продолжалась перекличка и обыски в бараках.

Мы стояли, шелкая зубами от холода, на площади, окруженные со всех сторон солдатами НКВД. После нескольких часов ожидания привели беглецов. Началась длинная речь политработника НКВД. Он объяснял, что любая попытка побега бессмысленна, так как местные жители немедленно поймут и доставят в лагерь каждого беглеца. Поскольку это была первая попытка, преступники будут наказаны только семью днями карцера на хлебе и воде. В следующий раз, если во время задержания их не застрелят, их будет ждать специальный лагерь в каменистом или на Дальнем Севере.

Нас распустили по баракам, не спросив, есть ли у нас «вопросы». Наши постели были перевернуты, а острые предметы вроде ножей и бритв, а также все книжки и блокноты — исчезли.

ВИКТОР БАВАНКЕВИЧ:

Нелегко было бежать из лагеря, окруженного тремя рядами проволоки, один из которых был высотой 3 метра. Фонари освещали поле за проволокой. На угловых вышках бодрствовала охрана с автоматическим оружием. Между вышками, привязанные цепями к проволоке, бегали сторожевые собаки.

Помню побег, организованный капитаном Яном Мицкунасом («Стерлингом»). Он всем нравился. Перед войной участвовал в Олимпиаде — в конных соревнованиях. Во время оккупации бежал из немецкого лагеря. Служил в разведке инспектората АК в Пулавах. Твердый, негибкий, интеллигентный человек.

Была страшная, снежная пурга, мгла, погас свет. Лагерь был погружен в темноту.

Тревога! Побег! Оказалось, что бежали двое узников: Мицкунас и поручик Грациан Фрус («Щербатый»), командир 3-ей Виленской бригады. Мы были удивлены, так как они ненавидели друг друга. Мицкунас укорял «Щербатого» за то, что тот — строевой офицер с хорошей биографией, сам напросился на работу в механические мастерские на территории лагеря. Оказалось, что он изготовил там ножницы для колючей проволоки и другие инструменты. Скандалили они между собой для маскировки. В комбинезонах, сшитых из простыней, они поползли, перерезая проволоку, к месту, которое караулил прирученный пес. (Мицкунас долгое время незаметно подкармливал его) Сбежавшие удачно добрались до Вильно, а оттуда с фальшивыми документами, как репатрианты, выехали в Польшу.

Однажды ко мне обратился подпоручик Станислав Левицкий («Рожок») с предложением принять участие в побеге. Я отказался, потому что считал, что нас скоро освободят. Месяца через три лагерное начальство оповестило нас, что беглецы пойманы и вскоре будут в лагере. Так и было. Левицкий после отбытия наказания в карцере, рассказывал: «Нас поймали только потому, что мы украли барана в колхозе. Милиция устроила облаву. У нас не было документов и нас приняли за американских шпионов. Пришлось признаться в побеге из лагеря. После долгой переписки за нами прибыли два солдата из Дягилево. Когда нас привезли уже почти к лагерю, один из конвоиров начал меня бить. Я спрашиваю: «За что?» А он: «Ты бежал, когда я был в карауле». Я ему сказал, что каждый узник пользуется случаем бежать. Так было и с советскими солдатами, которые бежали из немецкого плена. В моем партизанском отряде тоже было несколько русских. Он спросил, не помню ли я их фамилии. Я стал перечислять и когда сказал: Русецкий, боец стал, как вкопанный. Выругался и говорит: «Это мой брат... Что мне с тобой делать? Мне приказано тебя застрелить. Знаешь, что меня ждет, если я не выполню приказ?» И все-таки привел меня в лагерь.»

АНЕЛЯ ВЖЕЩ

В воспоминаниях о своем муже Марьяне так рассказывает об этом побеге: в сентябре 1945 г. пятеро узников бежали из лагеря: мой

муж, Павел Лашаевич, Станислав Левицкий, Анджей Павлицкий и Матейко. Вскоре Матейко и Левицкий вернулись — не выдержали физически.

Остальные разделились, чтобы не обращать на себя внимания и двинулись к польской границе. Иногда подъезжали поездом, но больше пешком. Мужа два раза задерживали, но так как в это время шла репатриация, он объяснял, что отстал от поезда. Пропадал бы, если бы не помогали русские люди. Торговки подвозили его между мешками. Ночами заходил в деревни. Нищета была страшная, но угощали чем могли — печеной картошкой, соленым огурцом.

В октябре добрался до Бреста. Был так истощен, что боялся плыть через Буг. Зашел в костел. Никого не было. Увидел епитрахиль, свисающую с исповедальни. Подошел, встал на колени и сказал ксендзу, что бежал. Ксендз велел сторожу спрятать мужа в ризнице и нашел человека, который мог помочь перейти через границу. Еще четыре дня он провел в Бресте, а потом под видом кочагара, на паровозе, поехал в Польшу.

ВАЦЛАВ КРАЕВСКИЙ:

Гриневич, землемер, который с приходом Советов стал активистом, в мае 1945 года украл сапоги у своего приятеля, подполз под проволокой и бежал из лагеря. Поймали его в июле, далеко от Рязани. Назад его конвоировал сержант Воробьев и недалеко от лагеря застрелил «за попытку побега». Это была месть за то, что из-за него охранник получил несколько лет заключения.

В июле 1945 г. бежал с сенокоса Ян Гром из Чеховизны. Взял грабли и пошел. Каким-то чудом через несколько месяцев добрался до Польши. С сенокоса бежали также Чесях, взводный 5-го полка уланов, и Мечислав Хойнловский из-под Ломжи. Их поймали в 200 км от Рязани. Из карцера их выпустили довольно быстро, но работать за проволокой им больше не пришлось.

Удался побег «Здислава Ставского» (Ришарда Рейфа), поручика Грибовского из

Дрогичина и Василевского из Кельц. Бежали из бригады КЭЧа осенью 1946 года. Хорошо знали места под Рязанью. Имели посуду, спички, рубли. Были даже фальшивые документы. Преследовал их полужскадрон кавалерии НКВД. Отсиживались в болотах. Там их искали с собаками, но беглецы сыпали молотый перец и псы потеряли след. Бежали не на Запад, а на Восток. Доехали поездом до Урала, а оттуда в Вильно, где еще шла репатриация.

ВИКТОР БАВАНКЕВИЧ: К одному из моих соседей по бараку приходил ежедневно его давний знакомый. Всегда они обсуждали одно и то же: «Вернемся домой, купим свинью, зарежем, наделаем изделий...» Все обговаривали подробно: «Выведем свинью из хлева, зарежем, разделаем и... Колбасу кровавую — раз, кашанку — два...» Часами страшно скандалили, чуть до драки не доходило: «Много кладешь крупы, мало соли!...»

ХЕНРИК ПЛАСКИ:

Дневная порция пищи только раздражала желудок, усиливая чувство голода. Мы худели с ужасающей скоростью. Все чаще кто-нибудь просился работать на кухню. Этому содействовало то, что капитан Войцеховский («Ронин») из нашей роты занимал ответственный пост старшего повара и набирал себе помощников.

Однажды ночью и я стал рабочим кухни. Вместе со мной было еще пять товарищей. Мы прибыли к заведующему кухней, поручику Селицкому, большому другу советских властей. Четверых из нас усадили около корзины с картошкой и велели экономно чистить. Двое других большими ножами резали кочаны капусты. В огромных корзинах подносили резаную капусту к котлам и опрокидывали в кипящую воду. У каждого котла, на возвышении, стоял повар-поляк с длинной ложкой и помешивал. Бросили в котлы несколько ведер картофеля, но суп от этого гуще не стал. Когда же мы спросили положить ли какой-нибудь жир или крупу, повар с усмешкой ответил: «Условно положено».

Всю ночь продлилась работа на кухне. Скребли, рубили, таскали топливо. В наши обязанности входило также мытье котлов, посуды и вынос пепла. В редкие минуты, когда не было работы, приткнувшись в каком-нибудь углу, мы засыпали. Под утро нас разбудил громкий крик одного из поваров: «Суп готов!»

Съел целую миску этой баланды, литра полтора, и... никакого чувства насыщения. Взял вторую порцию, но в этот раз половину жидкости вылил. Оставшиеся на дне несколько больших, плохо порезанных капустных листьев съел и... выбежал из барака, чтобы избавиться от избытка воды в организме.

Когда вернулся, Селицкий отвел меня в сторону и вынул из шкафа полмиски густой пшенной каши. Глаза полезли у меня из орбит, рот наполнился слюной, а когда начал есть эту кашу, то с трудом мог проглотить. Долго я думал потом, что могло быть причиной такой милости. К сожалению, только однажды мне так повезло...

В начале февраля 1945 г. один из наших генералов пожелал встретиться с комендантом лагеря. Его вызвали в комнату прокурора, где был и комендант — офицер НКВД. Генерал заявил им, что с этого дня начинает индивидуальную голодную забастовку, и будет голодать до смерти, пока не будет выполнено его единственное условие — возвращение всех заключенных в этом лагере поляков на родину. «Подумаем, уведомим» — был ответ советских начальников.

На третий день лагерное начальство забеспокоилось и стало пытаться сорвать голодовку. Собрали совещание в комендатуре лагеря. Вечером в комнату к генералам ворвались два советских санитара с носилками. Пытались силой уложить на них генерала и унести в медпункт. Шум и возгласы, доносившиеся из комнаты, вызвали нашу реакцию. Поднялся страшный шум, а крики: «Бьют!... бьют!... — разнеслись по всей территории.

Ежи ДЗЕРЖИНСКИЙ, АКовец из Вильно, племянник "железного Феликса", в 1944-47 гг. узник Дягилево.

ФОТО ИЗ АРХИВА Е. ПОЛЯЧЕКА

Генерал Казимеж ТУМИДАЙСКИЙ погиб в лагерном госпитале во время июльской голодовки 1947 года.

ФОТО ИЗ АРХИВА В. СТРЧУЛЫ

Ежи ЛИТВИНЮК содержался в лагере N178-454 вместе с матерью.

ФОТО ИЗ АРХИВА Е. ЛИТВИНЮКА

